

Л. Н. Толстой и рабочий класс

На яснополянском письменном столе, среди древних фотографий и пожелтевших книг, лежит кусок металлического сплава, а на сплыве — вычеканенные строки приветия гению русской литературы от уральских рабочих. Лев Толстой сам поместил подарок рабочих на свой письменный стол.

Толстой-художник не знал рабочего класса, не понимал значения рабочего класса, чуждался его. Отвергнув дворян-помещиков, Лев Толстой прошел мимо рабочего. О пролетариате великий писатель, если и говорил, то только как о рабах, как о бедных и страдающих людях, стоящих к тому же, по его мнению, на неправильном пути. А в тех случаях, когда Толстой обращался к теме жизни пролетариев, из-под его пера выходила либо карикатура, как в изображении революционеров в романе «Воскресение», либо прямая пасквиль, как в комедии «От нее все качества».

В статье «К рабочему народу» (1893 год) Толстой высказал свое непонимание «модного, называемого социализмом, учения», которое для него было полнотой неясностей, произвольных положений и противоречий.

В яснополянской библиотеке найден первый том «Капитала» К. Маркса с пометками Льва Николаевича. Среди них есть и такая, свидетельствующая о полном непонимании Толстым Маркса. Маркс, доказывая, что при производстве прибавочной стоимости уменьшение одного фактора производственного процесса может быть возмещено увеличением другого, объясняет это таким примером: уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным увеличением рабочего дня. Толстой делает пометку: «Зачем рабочие соглашались работать двенадцать часов?». Пениальный художник не смог проглядеть в подлинную суть социальных противоречий, хотя рост этих противоречий он видел и о их существовании в русской жизни неоднократно говорил, вполне правильно понимая их непримиримость;

«Правящие классы по отношению к рабочим находятся в положении подмявшего под себя противника и держащего его не выпуская, не столько потому, что он не хочет выпустить его, сколько потому, что он знает, что стоит ему выпустить на мгновение подмятого, чтобы самому быть сейчас зарезанным, потому что подмятый озлоблен и в руке его нож» («Царство божие внутри вас»).

Перед написанием «Рабства нашего времени» Лев Николаевич специально изучал жизнь грузчиков, работавших по тридцать семь часов подряд и гнивших в своих кобурах-общекитях, вникал в быт тульских рабочих и рабочих шелковой фабрики. Толстого ужасали условия их работы и быта и отношение к ним их хозяев-капиталистов. Рабочие губили свою жизнь за кусок хлеба, а вокруг них жили на широкую ногу люди, которые «брали эту жизнь человеческую» и пользовались ею для того, чтобы «насытить свои зверские, извращенные аппетиты роскоши», люди, «спокойно сосущие лучшую кровь народа для того, чтобы покупать шелка, бархаты, бриллианты своим женам или любовницам».

В очерке «Так что же нам делать?» Толстой писал о «задавленном народе» и о «толпе богатых классов, насилующих этот народ»; он указал на неизбежность революции, которая, только отсрочивается на некоторое время разными хитростями эксплуататоров. Толстой видел растущее в среде трудящихся озлобление против богатых классов и против самодержавия: «Опасность все растет, и ужасная развязка приближается». Эти предвещения в эпоху 80-х годов звучали грозно, привлекали к себе внимание людей различных классов. Тогда эти слова и мысли были заведомо «преступными» и поражали своей смелой правдивостью и решительностью.

В период русско-японской войны великий писатель ясно видел, что больше всех страдает от войны ра-

бочий люд, и безоговорочно встал на его защиту. Одна американская газета, North American News Paper, обратилась к Толстому с вопросом: «за кого он — за русских, японцев или никого?». Толстой ответил: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительствами воевать против совести, религии и собственного благосостояния».

В статье «Одумайтесь!», представляющей один из замечательных документов 1904 года, Л. Н. Толстой сорвал с войны украшения и торжественность, выставил ее в голом безобразии. «Храбрость», «патриотизм», «военная слава» — все это для Толстого пустые слова, изобретенные для поддержания системы огульной резни, называемой войной, которая отрывает от «несчастливого народа, живущего в крайней нужде, кормильцев на непонятное и ненужное ему побоище», приносящее лишения, страдания и смерть.

Война 1904 года привела к ослаблению царизма и усилению революционного движения; она ускорила революцию. Л. Н. Толстой встретил революцию 1905 года с тревогой. С напряженным вниманием следил он за всеми движениями революционной волны. Кровавые события этого времени были для него тяжелы, они его приводили в смятение. Он заявил, что не оправдывает ни одного убийства этого года. Однако, воспринимая жизнь во всей ее сложности, Толстой понимал, что в этой классовой битве разрешается очень важный вопрос о правде жизни, о той правде, о которой он сам так много думал, говорил и писал:

«Существующий строй жизни подлежит разрушению... Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражи-

ей; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и замениться разумным, религиозным, нравственным сознанием; уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой; одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей» («О существующем строе»).

Отрицая революцию как «насилие, насильничество слева», Толстой отрицал и «насилие, насильничество справа», с той только разницей, что идеалы контрреволюции ни в какой мере не совпадали с его идеалами. И если с «насилием справа» Толстому не о чем было говорить — к ним он издавна питал одно отвращение, то левые «насилыники»-революционеры вызвали в нем пылкое к ним отношение своей самоотверженностью, самопожертвованием, благородством политических убеждений, близостью к взглядам самого писателя некоторых сторон их учений о социализме и коммунизме. Революционеры часто вызвали Льва Николаевича на долгие споры, отразившиеся в ряде писем писателя к революционерам и в беседах с ними. Интересно отметить, что при обсужках революционеров часто находили записанные сочинения Толстого, отвечающие тем или иным революционным взглядам на государство, церковь, царский суд и т. п. А одновременно и революционные прокламации и отдельные главы из «Царства божия внутри вас» или «Так что же нам делать?».

К концу своей жизни Лев Николаевич, при всей глубине своего заблуждения, известного под формулой «непротивления злу насилием», пришел к убеждению, что «Россией руководит шайка грабителей». Он понял, что большинство народных лишений и страданий исходит от эксплуататорской сущности дворянско-капиталистического строя России. «Непротивление» Толстой мог с потрясающей силой и резкостью слова бичевать кровавую русскую действительность, он смог выдвинуть против нее грозное обвинение, пригвоздить палачей на

рода на вечные времена к позорному столбу истории. Так, например, обличая всю кровавую политику русского самодержавия, Толстой в книге «Царство божие внутри вас» приводит жуткие примеры экзекуций, издевательств и всяких насилий, применявшихся губернаторами, жандармами, чиновниками и офицерами по отношению к людям труда. О своем «непротивлении» сам Толстой сказал рабочему поэту Ф. Поступаеву так: «Да, в этом непротивлении самое крепкое сопротивление».

Мечтой Толстого было — падение русского самодержавия. Эта мечта проходит через все его творчество конца XIX и начала XX века. Толстой верил в гибель царизма, верил, что «Карфаген должен быть разрушен». Однако великий «непротивленец» строил эту уверенность на пропаганде отказа от подчинения и служения органам насилия: «Не служите злу, оно само упадет, не кормите Николаев II, помещиков и фабрикантов и тогда вы будете свободными». На этой же вере основано и убеждение Толстого, что именно среди русского народа начнется тот великий переворот, который предстоит всему человечеству и который один может спасти людей от ненужных страданий.

Описав ужасы русского самодержавия, Толстой, казалось бы, должен был прийти к логическому выводу: призвать к борьбе против самодержавного строя. Но Толстой ничего другого не может сделать, как высказать просьбу казнить его самого вместе с очередной партией смертников, «чтобы я своею тяжестью запынул на своем старом горле намыленную петлю». Это означало уход от борьбы, отстранение от политики, отказ от какого бы то ни было активного сопротивления. Аскетизм, опрощение, непротивленчество, подавление всех потребностей, отказ от всего «земного» — вот что наполняло «положительную» программу Толстого.

И все же, несмотря на ограниченность и отсталость своей политической программы, Л. Н. Толстой в своем гениальном творчестве раскрыл противоречия эпохи нарастающей первой русской революции.

Толстой оказался, по выражению Ленина, «зеркалом русской революции», отразившим ее сильные и слабые стороны. Все творчество писателя продиктовано конкретным социальным содержанием этой сложнейшей эпохи русской истории. И все же Толстой так и не понял истинных причин, породивших столь ненавистную ему социально-экономическую систему. Он так и не смог до конца дней своих указать верное средство против социального зла.

Но, как гениальный художник-реалист, как поразительно восприимчивый наблюдатель, Толстой необычайно метко изобразил самые разнообразные стороны русской действительности своего времени, подхватив ее беспощадной критикой, разоблачив эксплуатацию народной массы, выявив существо буржуазно-дворянской цивилизации. Он срывал «все и всяческие маски» с представителей буржуазно-дворянского строя, обнажая механизм столичной и провинциальной администрации («Анна Каренина»), разоблачая суд и подвергая саркастическому анализу церковный культ («Воскресение»), показывая истинные «устои» царской армии («После бала»). В этом именно и заключается гениальность Толстого-художника, сила которого состоит в том, что он был поистине «голос от земли», впитавшей в себя гнев и ненависть миллионов масс народа против его угнетателей и притеснителей.

«Великое народное море, взволнованное до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отражилось в учении Толстого» (Ленин, XIV, 407).

Ленин оценил творчество Толстого с точки зрения отражения в нем движущих сил революции 1905 года, широкого реалистического отражения важнейших социально-экономических и классовых процессов великой эпохи, с точки зрения критической стороны толстовского реализма.

Ленин учил, что пролетариат

должен использовать и революционную критику Толстого, как оружие против помещиков и капиталистов. «Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов» (Ленин, XIV, 407).

Класс трудящихся против толстовства, справедливо считая его своим врагом, но он за великое художественное наследие Толстого, которое учит ненавидеть всякую эксплуатацию человека человеком.

Ленин писал о Толстом: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба... нужен социалистический переворот» (Ленин, XIV, 409). В бывшей царской империи этот переворот был совершен двадцать три года тому назад и совершен он был с помощью оружия; рабочий класс в этом пункте своей программы не мог согласиться с Толстым, призывавшим к непротивлению злу. К оружию, к овладению оружием звала рабочий класс и крестьянство партия большевиков и то и после декабрьского восстания. На митинге в Тифлисе в октябре 1905 года товарищ Сталин говорил рабочим:

«Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит: долой оружие? Оратор, который это говорит, напервое, толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы народа... Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи, хорошо поймите и запомните: первое, что нам нужно — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение».

Об этом же неоднократно говорил и Ленин, клеймя толстовско-плехановское «не нужно было браться за оружие». Руководимый партией большевиков, единственно благодаря вооруженному «насилию», пролетариат совершил социалистический переворот и создал тем самым все условия к тому, что великие произведения гения русской литературы Льва Николаевича Толстого сделались достоянием всех народов СССР.

Н. С. ПОТАПЧИК, кандидат филологических наук.